

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО СТУДЕНТА.

«Кто не жилъ въ 1856 году въ Рос-
сіи, тотъ не знаетъ, что такое жизнь».

Гр. Л. Н. Толстой.

I.

Людямъ, прожившимъ на свѣтѣ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, единственной отрадой остается почаще оглядываться назадъ и хотя въ воспоминаніяхъ переноситься въ ту свѣтлую, живую полосу конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ, когда, дѣйствительно, жилось легко и отрадно. Жизнь въ то время была ключомъ не только въ насъ самихъ, тогда еще очень молодыхъ людяхъ, но и во всемъ окружающемъ. Старики молодѣли около насъ и вмѣстѣ съ нами горячо, неустанно работали и служили для всѣхъ и cadaго милому и дорогому дѣлу всеобщаго возрожденія, волновались радужными надеждами и изо всѣхъ силъ стремились къ осуществленію высокихъ задачъ того времени. Молодежь ухаживала за старыми, передовыми борцами, съ увлеченіемъ слушала ихъ и училась у нихъ мыслить и работать ради блага общаго.

И теперь, на закатѣ дней, безпрестанно возстаютъ въ памяти то однѣ, то другія свѣтлыя картины дорогаго прошлаго, но, увы! подергивающіяся туманомъ времени съ каждымъ годомъ гуще и гуще, да и сами мы все глубже и глубже погружаемся въ неотразимо наступающую и окутывающую насъ темноту, и скоро все исчезнетъ на вѣки... Но все-ли исчезнетъ и не оставитъ по себѣ и слѣда? Неужели тамъ, гдѣ еще, кажется, такъ недавно кипѣла жизнь и среди нея гордо возвышались недосягаемые идеалы, все будетъ сравнено съ землей и покрыто всепоглощающимъ забвеніемъ смерти?.. Горько и обидно! Нѣтъ, хочется думать, хочется надѣяться и вѣрить,

что все живое и благотворное, если и миновало, — все-же останется въ памяти нашихъ дѣтей и внуковъ и, можетъ быть, послужить и имъ на пользу.

Вся университетская молодежь того времени почти цѣликомъ примкнула къ тѣмъ слоямъ общества, которые жили исключительно великими идеями и реформами царствованія Александра II, и хотя, надо сказать правду, студенты учились мало, въ смыслѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій и прилежнаго заучиванія профессорскихъ записокъ, но чрезвычайно воспріимчиво и сильно мыслили, а высокими чувствами были преисполнены до того, что, казалось, и по землѣ-то ходили приподнятыми. Всестороннее возрожденіе Россіи и, въ особенности, благо народное были у всѣхъ не только на языкѣ, но и въ умѣ и въ сердцѣ. Каждый, даже первокурсникъ, радушно былъ принимаемъ не только въ гостинныхъ, но и въ серьезныхъ кабинетахъ литераторовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Всѣ смотрѣли на учащееся молодое поколѣніе, какъ на олицетвореніе столь желаннаго обновленія Россіи,—и ласкали студентовъ, всячески помогали имъ, охотно бесѣдовали съ ними и вступали въ горячія пренія «о матеріяхъ важныхъ». Старые вожаки охотно готовили ихъ къ близко предстоящему преемству въ исполненіи великихъ задачъ, возлагали на нихъ самыя свѣтлыя надежды и обращались къ нимъ съ ободряющими словами поэта Бенедиктова: «шагайте черезъ насъ!»

Независимо отъ широко развернувшейся общестудентской жизни и самодѣятельности въ стѣнахъ петербургскаго университета, выразившейся въ періодическомъ изданіи студенческаго сборника, вскорѣ, впрочемъ, прекратившагося, въ собственной студенческой библиотекѣ, кассѣ пособій неимущимъ товарищамъ, научно-литературныхъ бесѣдахъ и диспутахъ, въ сходкахъ, всегда очень многолюдныхъ и оживленныхъ, по общестуденческимъ дѣламъ и т. д., и т. д., чуть не каждый студентъ, обладавшій хотя какими-нибудь грошовыми средствами, старался сгруппировать около себя подходящій къ его духовнымъ потребностямъ и взглядамъ кружокъ товарищей, собиравшійся въ его комнату, рѣдко — двѣ, еженедѣльно, съ самою точною и неизмѣнною аккуратностью, хотя на этихъ собраніяхъ, кромѣ чая, да развѣ еще колбасы съ хлѣбомъ и пива, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакого другаго угощенія не предлагалось. Кромѣ студентовъ, сюда являлись и молодые офицеры — слушатели академій и начинающіе общественные дѣятели, и весьма часто среди всей этой молодой горячей компаніи видѣлись люди почтенныхъ лѣтъ, убѣжденные сѣдинами. Мы съ жадностью слушали ихъ рассказы и разсужденія о многомъ, намъ еще мало знакомомъ, но къ чему мы уже стремились со

всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ первой молодости. И сколько перечиталось, на этихъ собраніяхъ, и литературныхъ, и философскихъ, и политическихъ сочиненій, глубоко запавшихъ въ чуткія и воспріимчивыя ко всему честному и благородному души юныхъ слушателей! Сколько и отвлеченныхъ, и жизненныхъ вопросовъ ставилось тогда на очередь, дебатировалось, разрѣшалось, и многія изъ этихъ рѣшеній такъ и остались у нѣкоторыхъ членовъ такихъ собраній основными, руководящими принципами всей ихъ послѣдующей жизни. Само собою разумѣется, что въ то наиболѣе либеральное время въ жизни русскаго общества, характеръ и нашихъ кружковъ былъ по преимуществу либеральный. Столь популярный тогда «Колоколь» Герцена, равно какъ и всѣ другія заграничныя изданія этого писателя, читались на нашихъ собраніяхъ съ особеннымъ усердіемъ и вниманіемъ, и затѣмъ, далеко за полночь, обсуждались со всѣмъ пыломъ и задоромъ молодости. И какъ все это просто и безопасно происходило! Помню я, напр., небольшую комнату одного изъ сотоварищей на Васильевскомъ островѣ: дверь ея, безъ всякой передней, выходила прямо на черную лѣстницу огромнаго дома, по которой постоянно проходило множество народа, и такъ какъ въ эту комнату набиралось обыкновенно человѣкъ до 20 и 25-ти, то, чтобы не задохнуться отъ жары и табачнаго дыма, дверь оставалась открытою, а юные гости во всеуслышаніе читали и декламировали такія вещи, о которыхъ въ другое время было бы страшно и подумать. Шумные, горячіе споры, по вопросамъ чрезвычайно радикальнымъ и острымъ, раздавались изъ этой комнаты по всей лѣстницѣ цѣлыя ночи напролетъ, — и никто не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, даже никогда никто не просилъ насъ не шумѣть такъ сильно, хотя бы просто ради спокойствія сосѣдей, — до такой степени всѣмъ и каждому казалось естественнымъ, что гдѣ молодость, тамъ и одушевленная, живая, шумная рѣчь, и что иначе и быть не можетъ.

Какъ теперь передо мною большой круглый столъ передъ крошечнымъ старенькимъ диванчикомъ, на которомъ, какъ на почетномъ мѣстѣ, сидитъ красивый и бѣлый какъ лунь старикъ Ц.—декабристъ, прошедшій, послѣ веселой великосвѣтской жизни юнаго петербургскаго гвардейца, много лѣтъ рядовымъ въ сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ, затѣмъ храбро дравшійся съ горцами на Кавказѣ и, наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, прощенный и авившійся, съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ, въ Петербургъ въ самый разгаръ общественнаго возбужденія конца пятидесятыхъ годовъ. Нечего и говорить, какъ всѣ ухаживали за этимъ маститымъ «мученикомъ», какъ его тогда называли, какъ рвали его

на части и добивались, чтобы онъ украсилъ своимъ присутствіемъ то или другое собраніе молодежи. Маслитый «мученикъ» видимо рисовался и кокетничалъ своимъ престижемъ среди молодежи. Пѣвучимъ и пріятнымъ голосомъ онъ повѣствовалъ намъ исторію своего мученичества—и мы, растроганные его «страданіями» и возмущенные «тупою силой злобы», снова и снова горячо цѣловали его, жали ему руки, восторженно поднимали стаканы за его здоровье. Старикъ со слезами отвѣчалъ на наши поцѣлуи и отечески возлагалъ руки на наши разгоряченныя головы. Скоро, однако-жъ, мы стали замѣчать, что нашъ Ц. въ своихъ разсказахъ отдѣляется все какъ-то общими мѣстами; подробностей, сути столь интересовавшаго насъ дѣла декабристовъ мы не могли отъ него добиться, да и вообще отъ него какъ-то не вѣдало тѣмъ высоко-гуманнымъ развитіемъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, отличалось это общество, и скоро изъ разныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ мы узнали, что Ц. собственно въ заговорѣ декабристовъ вовсе не участвовалъ и что онъ былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ единственно за то, что, будучи гвардейскимъ прапорщикомъ, 14-го декабря, и то чуть-ли не случайно, присоединился на улицѣ къ одной изъ воинскихъ частей и пошелъ съ ней на Сенатскую площадь. По истеченіи года, проведеннаго въ нашемъ студенческомъ кружкѣ, нашъ «мученикъ» пошелъ служить по столь ненавистнымъ тогда откупамъ,—и мы не мало были сконфужены такимъ неожиданнымъ финаломъ. Припоминается мнѣ одинъ смѣшной случай, устроенный этимъ господиномъ, при чемъ я былъ комической жертвой своего юношески-либеральнаго увлеченія.

Послѣ переходныхъ экзаменовъ на второй курсъ я переѣхалъ на дачу съ однимъ изъ членовъ нашего кружка, старше насъ на нѣсколько лѣтъ и уже окончившимъ курсъ. Однажды вечеромъ, возвратившись изъ города домой, я нашелъ своего сожителя за чайнымъ столомъ и около него—Ц. Передъ ними на столѣ лежало множество траурныхъ пригласительныхъ билетовъ. На мой вопросъ,—что это значить, Ц. отвѣчалъ трагическимъ тономъ: «Oui, mon cher, il est mort! Ah, il est mort, pauvre homme!»

— Mais qui donc?—спрашиваю я въ совершенномъ недоумѣніи..

— Lui, mon cher, lui! ce vénérable martyr! Notre pauvre vader Briggen est mort hier soir, et nous devons montrer... oui, nous montrerons à tout le monde... n'est ce pas?!

Я рѣшительно ничего не понималъ и вопросительно глядѣлъ на пригласительные билеты.

Мой товарищъ, наконецъ, объяснилъ мнѣ, что Ц. привезъ эти би-

леты для разсылки ихъ по почтѣ всѣмъ, кто только намъ придетъ въ голову, что такимъ образомъ необходимо завтра на похоронахъ почтить умершаго декабриста самой многолюдной, самой дружной демонстраціей и, въ то-же время, показать, кому слѣдуетъ, что современное общество умѣетъ цѣнить людей, подобныхъ скончавшемуся.

На всѣ обращенія товарища къ Ц.—такъ-ли онъ передаетъ его мысли, тотъ отвѣчалъ только:

— Oui, mes amis, c'est ça! c'est précisément ça! Vous le fairez, mes braves garçons, n'est ce pas?

Мы съ жаромъ принялись подписывать на билетахъ фамиліи и адреса, какіе только намъ приходили въ голову, и въ тотъ же вечеръ отправили по городской почтѣ великое множество такихъ приглашеній. Ц. уѣхалъ отъ насъ вполне довольный. Передъ отходомъ ко сну, я съ особенною заботливостью внушилъ прислугѣ, чтобы она не проспала, приготовила мою парадную студенческую форму и разбудила насъ пораньше.

На утро, проснувшись чуть свѣтъ, я побѣжалъ наверхъ къ своему сожителю; но онъ объявилъ мнѣ, что долженъ ѣхать по дѣламъ и никакъ не можетъ участвовать въ нашей демонстраціи. Такое равнодушіе къ общему великому дѣлу, какимъ оно мнѣ тогда казалось, возмутило меня, и я чуть-ли не побранился съ пріятелемъ. Послѣдшне одѣвшись, я побѣжалъ на пароходъ, черезъ полчаса подѣхавъ къ пристани у Лѣтняго сада, взялъ извозчика, и, въ крайне возбужденномъ состояніи, всячески торопиль его, боясь опоздать къ печальному торжеству, въ которомъ мнѣ предстояла столь обаятельная для тогдашняго студента роль политическаго демонстратора. «Вотъ, вотъ,—представлялось моему разгоряченному воображенію,—громадная толпа петербургской интеллигенціи наполнить не только квартиру, но и всю улицу, гдѣ жилъ знаменитый покойникъ, и всѣ смежныя съ ней улицы, и мнѣ невозможно будетъ прорваться въ первые ряды оваціи, гдѣ я всенепремѣнно долженъ быть!..» и я снова погонялъ возницу и снова общалъ ему прибавку...

Вотъ, наконецъ, и Колокольная улица, — конечная цѣль моихъ стремленій.. но гдѣ-же публика, гдѣ огромная масса народная, гдѣ оглушительный гулъ общественнаго движенія, гдѣ все это, такъ живо стоявшее въ моей головѣ со вчерашняго вечера? Кромѣ двухъ-трехъ ванекъ, лѣниво развалившихся на своихъ дрожжахъ, да десятка самыхъ обыденныхъ пѣшеходовъ, никто не нарушалъ обычнаго лѣтняго затишья городской улицы. — Должно быть, еще рано, — подумалъ я, и сталъ искать домъ, въ которомъ жилъ фонъ-дерь-Бриггенъ. Увидѣвъ скромныя дроги у одного подѣзда, съ нѣсколькими невоз-

мутимо дремавшими около нихъ факельщиками, я поднялся по лестницѣ и позвонилъ у дверей, гдѣ стояла гробовая крышка. Миловидная горничная впустила меня въ переднюю, и затѣмъ я вошелъ въ небольшое зало и увидѣлъ катафалкъ, а на немъ — покойника въ гробу. Кромѣ меня, единственнымъ живымъ лицомъ въ комнатѣ оказался Николай Ивановичъ Гречъ, какъ извѣстно, слишкомъ не похотившій на представителя либеральной демонстраціи.. Я остановился посреди зала въ совершенномъ недоумѣніи.. Изъ дверей внутреннихъ комнатъ снова показалась горничная, и на мой вопросъ, не здѣсь-ли г. Ц.—сѣдой старикъ съ бѣлымъ крестикомъ въ петлицѣ, отвѣчала отрицательно; «а, впрочемъ, можетъ быть, они тамъ», прибавила она, указавъ на внутренніи комнаты, и побѣжала въ переднюю. Поставъ немного и чувствуя себя съ каждой минутой все болѣе и болѣе неловко, я, наконецъ, рѣшился отворить дверь въ указанныя мнѣ комнаты, въ надеждѣ найти тамъ свой якорь спасенія въ лицѣ отыскиваемого мною виновника моего смущенія. Я очутился въ какомъ-то корридорѣ и съ храбростью отчаянія пустился впередъ. Черезъ нѣсколько шаговъ я увидѣлъ съ лѣвой стороны отворенную дверь и мужественно переступилъ черезъ порогъ ея, такъ какъ ничего болѣе мнѣ не оставалось. Вся комната была наполнена дамами и нѣсколькими мужчинами, преимущественно военными. Нѣсколько десятковъ глазъ обратилось на меня и всѣ смотрѣли вопросительно-недоумѣвающе. Ц. между присутствовавшими не было, и я, переконфуженный, былъ-бы радъ провалиться, и стоялъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, стараясь собраться съ духомъ и сообразить, что мнѣ теперь слѣдуетъ предпринять... По другую сторону корридора виднѣлась другая комната, въ которой курили. Я чуть не опрометью бросился туда и закурилъ папирску, стараясь успокоиться и принять обычный на похоронахъ видъ. Не прошло и 2—3 минутъ, какъ изъ дамской комнаты явился какой-то уланъ, очевидно, командированный для разузнанія, какой-токой явился никому неизвѣстный студентъ. Попросивъ у меня закурить папирску, офицеръ, какъ-бы между прочимъ, спросилъ:

— А вы хорошо знали покойнаго?

Вмѣсто того, чтобы прямо рассказать ему все дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности, я, окончательно сконфуженный, началъ лепетать какой-то вздоръ, въ родѣ слѣдующаго:

— Какъ-же! Какъ-же! Да и вообще... отдать послѣдній долгъ такому почтенному дѣятелю...

Офицеръ быстро повернулся на каблукахъ и возвратился къ дамамъ, которымъ, по всей вѣроятности, и доложилъ обо мнѣ что нибудь не особенно для меня лестное. Къ счастью, тотчасъ-же послышалось

приглашеніе къ панихидѣ, и я, вмѣстѣ съ другими, вошелъ въ зало и затерялся въ толпѣ.

Покойника отпѣли, подняли и понесли. Ц. такъ и не показывался, и единственнымъ представителемъ либеральной демонстраціи оказался я, несчастный!

Нечего и говорить, что едва я очутился на улицѣ, тотчасъ-же повернулъ въ сторону, противоположную похоронной процессіи, и чуть не бѣгомъ помчался до перваго извозчика, точно боясь, какъ-бы меня не ухватилъ кто-нибудь за шиворотъ...

Впоследствии я узналъ, что Ц. и съ десятокъ изъ приглашенныхъ демонстраторовъ явились прямо на кладбище и, постоявъ тамъ у могилы, въ качествѣ постороннихъ зрителей, мирно разошлись по домамъ; а когда, увидѣвъ Ц., я напустился на него за такое одураченіе меня, онъ только разводилъ руками и повторялъ:

— Oui, mon cher! Voilà notre public! Voilà notre public!

Однако, возвратимся, къ нашему кружку.

Наиболѣе сильное вліяніе на наше политическое развитіе въ первый годъ нашего студенчества имѣлъ одинъ отставной артиллеристъ, Табенскій, горячій полякъ, рыяный представитель возрожденія своей ойчизны, чистокровный типъ политическаго демагога. Онъ былъ гораздо старше насъ, хорошо образованъ и своимъ тонкимъ и гибкимъ умомъ, огненнымъ темпераментомъ и страстными рѣчами увлекалъ насъ до того, что мы, какъ говорится, готовы были лѣзть на стѣну. Но когда увлеченіе эго доходило до такой степени, что мы тутъ же предлагали принести себя въ жертву великому дѣлу освобожденія, онъ отчески приостанавливалъ наши юношескіе порывы, ограничивался лишь нашими обѣщаніями и многозначительно прибавлялъ: «погодите, дѣтки, придетъ время—и вы сослужите великую службу страждущимъ братьямъ!» При этомъ онъ горячо жалъ наши руки и какъ-то особенно, по польски, цѣловалъ насъ, впиваясь своими воспаленными губами въ ротъ, что всякій разъ возбуждало во мнѣ какое-то неопредѣленное чувство, близкое къ отвращенію. Кромѣ разговоровъ и чтеній ультра-либеральнаго характера, Табенскій развивалъ передъ нами подробную политическую программу свободнаго гражданина свободной страны и даже бралъ съ насъ клятвенныя обѣщанія никогда не дѣлать ничего такого, что признавалось этой программой нечестнымъ и вреднымъ. Помню, однажды, дѣло дошло до того, что онъ поголовно сталъ отбирить отъ насъ обѣщанія никогда не поступать на государственную службу. Нѣсколько наиболѣе разгоряченныхъ головъ тотчасъ же дали это обѣщаніе, остальные же отказались, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ насъ уже и въ то время

состояли на службѣ, такъ какъ, кромѣ студентовъ, между нами было нѣсколько молодыхъ офицеровъ и чиновниковъ. Къ веснѣ того же года Табенскій уѣхалъ къ себѣ на родину, тайнственно, но многозначительно намекая намъ на какую-то важную миссію, требующую его безотлагательнаго присутствія въ Польшѣ. Мы проводили его торжественнымъ ужиномъ съ пламенными спичами и стихотвореніями самаго радикальнаго свойства и сняли съ него на память фотографическій портретъ. Онъ подарилъ намъ большіе портреты Костюшки, Мицкевича и Стефана Ваторія, не обѣщая вернуться, но высказавъ увѣренность, что если и вернется, то найдетъ насъ такими-же, какъ оставляетъ, конечно, въ политическо-либеральномъ смыслѣ. Годъ черезъ два онъ, дѣйствительно, появился въ Петербургѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ самоубійства генерала Герштенцвейга въ Варшавѣ, и когда волненія въ Польшѣ принимали уже угрожающій характеръ, мелькнулъ передъ нами всего по разу или по два у каждаго по одиночкѣ, какъ-то уклонившись отъ появленія въ общемъ собраніи нашего кружка, позондировалъ каждаго изъ насъ въ желательномъ ему направленіи, и, видимо разочарованный, снова исчезъ и уже навсегда. Впослѣдствіи ходили слухи, что онъ предводительствовалъ во время польскаго возстанія одной изъ бандъ и былъ убитъ въ стычкѣ съ нашими войсками.

Кромѣ внутренней, кружковой жизни, все остальное время мы посвящали жизни общественной, въ стѣнахъ университета и въ весьма многихъ семейныхъ домахъ, въ которыхъ, какъ я уже говорилъ, насъ принимали чрезвычайно радушно и ласково. Сверхъ обычнаго посѣщенія лекцій, мы нерѣдко собирались въ университетѣ по вечерамъ, на сходки редакторовъ нашего Сборника и депутатовъ отъ каждаго факультета, завѣдывавшихъ бібліотекой, кассой пособій, назначеніемъ и раздачей послѣднихъ нуждавшимся товарищамъ, устройствомъ концертовъ въ пользу той-же кассы. Концерты эти, исполнявшіеся подъ управленіемъ весьма извѣстнаго въ то время профессора музыки, Шуберта, оркестромъ изъ его учениковъ, преимущественно студентовъ, отличались своею серьезностью и элегантною художественностью. Они давались въ теченіе почти всей зимы, въ актовомъ залѣ университета, по утрамъ въ каждое воскресенье, и обыкновенно заканчивались грандіознымъ музыкально-вокальнымъ утромъ, съ участіемъ всѣхъ лучшихъ представителей итальянской оперной труппы, изъ которой наибольшими симпатіями публики и всего студенчества пользовались Бозіо и Тамберликъ. Кромѣ своихъ замѣчательныхъ талантовъ, особенно они увлекали молодежь и своею чарующею любезностью, теплымъ участіемъ къ бѣдствовавшимъ студентамъ и всегдашнюю готов-

ностью помочь имъ. На всѣхъ этихъ концертахъ, не только заключительныхъ, но и обыкновенныхъ, бывалъ, что называется, *tout Petersburg*,—и наша студенческая касса располагала широкими денежными средствами для своихъ благотворительныхъ цѣлей.

По нѣскольку вечеровъ въ недѣлю мы проводили въ разныхъ семейныхъ домахъ, изъ которыхъ во многихъ собирались ученые, литераторы, художники, болѣе или менѣе выдающіеся администраторы, и, слушая произведенія однихъ и разсужденія другихъ, мы, естественно, развивались быстро и многосторонне. Не смотря на танцы и всевозможныя шутки и смѣхъ, свойственныя молодости, мы каждый разъ выходили съ такихъ вечеровъ обогащенными множествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и занятыми весьма серьезными размышленіями. Нерѣдко посѣщали мы и весьма скромныя и скудныя матеріальными средствами семейства нашихъ товарищей, танцевали съ ихъ сестрами и другими дѣвицами, влюбляли ихъ въ себя и сами влюблялись и тотчасъ-же увлекали своихъ юныхъ поклонницъ на публичные лекціи, на чтеніе разныхъ серьезныхъ книжекъ, въ родѣ Бокля, Маколея, Бѣлинскаго, Грановскаго, Льюиса, Бюхнера и т. п. Многие изъ насъ скоро и переженились на этихъ дѣвушкахъ.

За всѣмъ этимъ столь разнообразнымъ препровожденіемъ времени, нельзя сказать, чтобы и научныя занятія наши были въ окончательномъ пренебреженіи. Правда, дома мы почти совсѣмъ не сидѣли за составленіемъ и заучиваніемъ профессорскихъ лекцій, но самыя лекціи, въ особенности, нѣкоторыхъ профессоровъ, посѣщались и слушались весьма усердно. Кромѣ того, мы много читали серьезныхъ сочиненій, прямо или косвенно относившихся къ нашей наукѣ, горячо разсуждали и спорили о прочитанномъ, плохо еще переваривая всю эту философскую премудрость, но все-таки кое-что усваивали, и главное,—развивались умственно.

Такъ совершенно незамѣтно пролетѣлъ для насъ первый годъ нашего студенчества. Переводные наши экзамены сошли очень благополучно, не смотря на строгость экзаменаторовъ.

II.

Съ переходомъ на второй курсъ, мы почувствовали себя уже значительно оперившимися гражданами, и съ возобновленіемъ осенью 1859 года нашихъ вечернихъ собраній уже не увлекались, по прошлогоднему, одними отвлеченными разсужденіями и диспутами. Разговоры наши принимали болѣе вдумчивый характеръ, и между нами стали даже возникать нѣкоторыя сомнѣнія и самообличенія въ праздномъ словоизверженіи и фразерствѣ. Появилось даже укорительное прозвище «филологомъ» всякаго, кто особенно много и экзальтированно говорилъ и мало или слишкомъ поверхностно думалъ. Авторомъ этой клички былъ длинный и неуклюжій студентъ изъ обрусѣвшихъ финляндцевъ, весьма застѣнчивый и молчаливый юноша, котораго мы считали сначала простакомъ, мало развитымъ и чуть-ли не ограниченнымъ человѣкомъ, но скоро оказавшійся чрезвычайно умною и способною во всѣхъ отношеніяхъ личностью. Цѣлые вечера, бывало, онъ молча выслушивалъ всѣ наши словоизверженія и только все съ удольшимъ и съ болѣшимъ ожесточеніемъ опрокидывалъ въ себя, стаканъ за стаканомъ, пиво или рюмки водки, и когда хмѣль прогонялъ его сосредоточенность и застѣнчивость, ударялъ своимъ огромнымъ кулачищемъ по столу и начиналъ обличать насъ въ пустословіи. Обличенія эти иногда, при усиленномъ употребленіи напитковъ, принимали настолько острый характеръ, что приходилось унимать расходившагося обличителя; но всѣ мы такъ искренно любили этого милаго чухонца и такъ чувствовали искренность и не безосновательность его филиппикъ, что никто и не думалъ съ нимъ ссориться.

Университетскія лекціи въ этотъ годъ мы посѣщали гораздо усерднѣе и относились къ нимъ серьезнѣе, чѣмъ въ первый. Кромѣ собственнаго нашего умственнаго роста, тому наиболѣе способствовали такіе выдававшіеся своею талантивостью и популярностью профессора, каковы были: К. Д. Кавелинъ, Н. И. Костомаровъ, В. Д. Спасовичъ и нѣкоторые другіе. Глубина изученія каждымъ изъ нихъ своего предмета, исполнѣе соответствовавшая требованіямъ того времени, освѣщеніе сообщавшихся ими фактовъ, блестящее краснорѣчіе въ ихъ изложеніи, а главное,—высокое цивическое чувство этихъ честныхъ гражданъ своей страны въ періодъ ея возрожденія,—все это до того увлекало насъ, что мы не пропускали ни одной лекціи своихъ любимцевъ. Самыя большія аудиторіи университета наполнялись чуть не до потолка слушателями не только спеціальныхъ факультетовъ, но даже

и тѣхъ, которые не имѣли ничего общаго съ юриспруденціей. Постороннихъ слушателей и слушательницъ также являлось множество на эти лекціи, и рѣдкая изъ нихъ не оканчивалась шумными, восторженными оваціями.

Впрочемъ, оставалось нѣсколько профессоровъ отъ прежняго стараго времени, лекціи которыхъ или нагоняли скуку и сонъ недолгими своею монотонностью, сухостью и бездарностью, или же возбуждали въ насъ неудержимый смѣхъ своей комичной безталантностью. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, между прочими, профессоръ Мих. Ив. Кастор—й, читавшій филологамъ древнюю всеобщую, а намъ, юристамъ,—русскую исторію. Это былъ коренастый старикъ съ широкоскулымъ, татарскаго типа, гладко выбритымъ лицомъ, съ маленькими сѣрыми глазками, бѣгавшими во всѣ стороны, и съ длинной гумбообразной головой, покрытой совершенно сѣдыми, обстриженными подъ гребенку волосами. Всю эту фигуру, тщательно застегнутую въ вицъ-мундирный полукафтанъ, скорѣе можно было принять за стараго служиваго 1830—1840-хъ временъ, чѣмъ за ученаго, если-бы не громадный, совершенно порывѣвшій отъ старости портфель, неизмѣнно торчавшій подъ мышкой этого почтеннаго просвѣтителя юношества. Мы всѣ очень хорошо знали, что вся его ученость заключалась въ этомъ «чемоданѣ исторіи», какъ мы въ насмѣшку называли его знаменитый портфель, что рѣшительно все, что ни говорилъ намъ К. на своихъ лекціяхъ, цѣликомъ извлечено имъ изъ своего чемодана и что ни одного взгляда, ни какого-либо освѣщенія, не говоря уже о какихъ-бы то ни было характеристикахъ, прибавить отъ себя нашъ профессоръ рѣшительно не въ состояніи. Онъ просто, механически, но всегда аккуратно и добросовѣстно, выкладывалъ передъ нами, по частямъ, все то, что хранилось въ его чемоданѣ и въ его еще болѣе огромной, чѣмъ этотъ чемоданъ, памяти. И вотъ, этотъ-то господинъ, замѣтивъ необыкновенное оживленіе въ лекціяхъ другихъ профессоровъ, рѣшился оживить и свои собственныя лекціи и началъ съ того, что различные историческіе эпизоды старался излагать въ драматической формѣ и даже представлять въ лицахъ. Такъ, напр., излагая исторію стрѣльческаго бунта, почтенный профессоръ сталъ рассказывать, какъ возмущившіеся стрѣльцы собрались на Красной площади и стали бушевать, угрожая Кремлевскому дворцу, какъ царевна Софія вышла на Красное крыльцо и самолично унижала бунтовщиковъ, и, чтобы задобрить ихъ, приказала выкатить передъ крыльцомъ огромныя бочки съ виномъ, но на стрѣльцовъ это не подѣйствовало и они начали бросать камни въ царевну «а Софія-то Алексѣевна,—продолжалъ увлекшійся лекторъ, взяла да и при-

сѣла за бочку на корточкѣ, вотъ такъ (и при этомъ К. на корточкахъ спрятался за высокой каедрой), да и выглядываетъ изъ-за нея вотъ такъ... что, дескать, будетъ дальше, а камни-то ей черезъ головку-то такъ и летать, такъ и летать...» Вся аудиторія, увидѣвъ выглядывавшее сбоку изъ-за каедры красное и самодовольное лицо профессора, какъ одинъ человѣкъ разразилась гомерическимъ хохотомъ. Затѣмъ, когда К. снова сѣлъ на свое кресло и, выждавъ, когда смѣхъ утихъ, началъ было продолжать свой рассказъ, его слова были заглушены новымъ взрывомъ хохота. Онъ опять переждалъ и опять началъ и снова былъ заглушенъ нашимъ хототомъ, и такъ далѣе, до конца лекціи мы, конечно, нарочно, не давали ему вымолвить ни слова. «Нѣтъ, господа, произнесъ, наконецъ, наивный старикъ, видно, я васъ такъ оживилъ, что сегодня съ вами не сладить, прощайте, до слѣдующей лекціи!» И, схвативъ свой чемоданъ, совершенно довольный вышелъ изъ аудиторіи. Вообще, объ этомъ профессоръ рассказывалось тогда много анекдотовъ, всегда приводившихъ насъ въ веселое настроеніе, но я умолчу о нихъ, слѣдуя классическому правилу: *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Другой профессоръ, существующій и въ настоящее время, но уже давно оставившій каедрю (онъ, въ преклонной старости, недавно сошелъ съ ума), читавшій намъ нѣсколько юридическихъ предметовъ и бравшійся безъ разбора за все, лишь-бы ему платили за лекціи, до такой степени усыплялъ насъ своей монотонной дикціей въ полголоса, сухостью и безсодержательностью своихъ лекцій, что каждый разъ мы должны были употреблять невѣроатныя усилія, чтобы досидѣть до конца и не заснуть. Такъ, напр., въ продолженіе цѣлаго часа этотъ ничѣмъ невозмутимый читальщикъ, какъ мы его прозвали, однимъ и тѣмъ-же полутономъ, не измѣняя его отъ начала до конца ни на одну іоту, перечислялъ передъ нами собственные географическія имена, которыми обозначался древній торговый путь въ Индію изъ разныхъ мѣстностей Европы и обратно; въ другой разъ онъ, также въ продолженіе всей лекціи, излагалъ нескончаемый перечень всевозможныхъ предметовъ, которыми торговали разныя государства и города земнаго шара между собою; въ третій разъ шла подробнѣйшая номенклатура разнообразнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, съ числами и годами ихъ появленія и отиѣны, именами законодателей, и наикратчайшимъ, стереотипнымъ обозначеніемъ содержанія и т. д. И послѣ всякой такой лекціи мы выходили сонные и одурѣлые; а когда обращались къ профессору съ просьбой читать хоть сколько-нибудь поживѣе, онъ съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ намъ: «прибавьте мнѣ жалованья,

я и буду читать поживѣе». Далѣе такого циничнаго отношенія къ своему дѣлу идти было невозможно, и мы кончили тѣмъ, что почти совсѣмъ перестали посѣщать лекціи этого господина, что было тѣмъ удобнѣе, что онъ, отпечатавъ ихъ отдѣльными брошюрами, продавалъ ихъ, и по довольно высокой цѣнѣ, и на экзаменахъ ровно ничего не требовалъ, кромѣ дословнаго пересказа этихъ брошюръ. Но надо связать правду: профессоровъ, подобныхъ двоимъ, только что мною описаннымъ, въ наше время было уже весьма незначительное меньшинство и они ступевывались въ массѣ болѣе или менѣе выдававшихся личностей. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ также профессоръ богословія и каноническаго права священникъ Палисадовъ, вскорѣ по вступленіи нашемъ въ университетъ смѣнившій престарѣлаго протоіерея Райковскаго. Мы были пріятно изумлены, когда на смѣну этого типичнаго представителя церковниковъ стараго закала, въ университетскомъ корридорѣ вдругъ появился красавецъ-брюнетъ съ удивительно-красивыми черными глазами, въ рясѣ изъ мурарь-антикъ, болѣе походившей своимъ франтовскимъ покроємъ на какой-то длинный пальто-рагланъ, съ бѣлоснѣжными воротничками и манжетами и въ лакированныхъ сапогахъ. На вступительной лекціи, происходившей въ большой актовомъ залѣ, при огромномъ стеченіи слушателей, этотъ блестящій лекторъ, только-что вернувшійся изъ-за границы, гдѣ онъ служилъ, кажется, при русской церкви королевы Нидерландской Анны Павловны, произвелъ просто фуроръ своимъ совершенно свѣтскимъ краснорѣчіемъ, непрерывными цитатами изъ греческихъ, римскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ философовъ. Съ перваго-же раза онъ сдѣлался среди насъ и среди интересовавшихся университетомъ петербургскаго общества весьма популярнымъ, и какъ профессоръ, и какъ человѣкъ, а между дамами, разумѣется, — и какъ очаровательный мужчина. На первое время всѣ живо заинтересовались этимъ новымъ, столь необычнымъ среди нашихъ законоучителей явленіемъ, но увлеченіе это скоро стало остывать по мѣрѣ того, какъ слушатели стали замѣчать въ лекціяхъ Палисадова гораздо болѣе стремленія къ внѣшнему эффекту и дешевой популярности, чѣмъ искренности и дѣйствительной учености. Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, онъ до конца считался однимъ изъ передовыхъ нашихъ профессоровъ. Съ его именемъ, хотя, впрочемъ, косвенно, связывается воспоминаніе о первомъ въ то время въ Петербургѣ производствѣ гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, еще задолго до введенія у насъ судебной реформы, о которой, впрочемъ, тогда много уже говорили. Случилось это такимъ образомъ: двое студентовъ-первокурсниковъ позволили себѣ какое-то дурачество на лекціи Пали-

садова, и послѣдній обратился ко всѣмъ слушателямъ вообще съ предложеніемъ самимъ найти виновныхъ, разобрать это дѣло безъ всякаго вмѣшательства начальства и, такимъ образомъ, собственными мѣрами оградить достоинство аудиторіи на будущее время. Мы были очень довольны такимъ предложеніемъ, быстро разыскали провинившихся и рѣшили судить ихъ по всѣмъ правиламъ французскаго уголовного судопроизводства, которое, какъ извѣстно, было положено въ основаніе готовившейся въ то время судебной реформы въ Россіи. Тотчасъ-же было приступлено къ организациіи состава суда, съ назначеніемъ прокурора, судей, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ, вызовомъ свидѣтелей и т. д., словомъ, все было устроено на манеръ дѣйствующихъ нынѣ судовъ. Предсѣдательство въ нашемъ импровизированномъ трибуналѣ принялъ на себя, по нашей просьбѣ, нашъ уважаемый профессоръ-криминалистъ В. Д. Спасовичъ. Дѣло слушалось въ открытомъ засѣданіи, происходившемъ въ самой большой изъ университетскихъ аудиторій (XI-й), въ присутствіи профессоровъ и массы студентовъ, живо интересовавшихся этимъ первообразомъ гласнаго суда въ Россіи. Подсудимые были признаны виновными и приговорены, кажется, къ выговору.

Научныя требованія Палисадова отъ своихъ слушателей были болѣе, чѣмъ снисходительны. Лекціи его, вскорѣ послѣ ихъ открытія, огромнымъ большинствомъ студентовъ совсѣмъ перестали посѣщаться, а когда передъ экзаменами нѣкоторые обращались къ товарищамъ съ просьбами о запискахъ по богословію, имъ со смѣхомъ отвѣчали: «Кто-жъ составляетъ у Палисадова записки! Болтай на экзаменѣ, что вздумается, какъ онъ самъ болтаетъ, вотъ и все!» И дѣйствительно, я самъ былъ очевидцемъ, какъ на экзаменѣ, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи ректора университета, архіерея, нѣсколькихъ ассистентовъ, экзаменовавшихся, вынувъ билетъ по богословію, проносили скороговоркой, ни съ того, ни съ сего, нѣсколько славянскихъ текстовъ изъ пространнаго катихизиса, очевидно, оставшихся въ ихъ памяти еще отъ гимназическаго зубренья, и Палисадовъ, одобрительно кивая головой и улыбаясь, спѣшилъ прекратить эту болтовню словами: «очень хорошо-съ! прекрасно-съ! довольно-съ!» и ставилъ пятерку.

Спустя нѣсколько лѣтъ, этотъ благодушный профессоръ оставилъ университетъ и былъ назначенъ священникомъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ скоро приобрѣлъ весьма громкую популярность своими эффектно-краснорѣчивыми обличительными проповѣдями. Погоня за эффектами и популярностью часто увлекала его до того, что онъ приносилъ имъ въ жертву свои личныя дружескія связи. Вотъ одинъ изъ

выдающихся примѣровъ такого увлеченія: въ то время въ крѣпости былъ заключенъ, по политическому дѣлу, только что окончившій университетскій курсъ, но уже пріобрѣтшій извѣстность писатель, Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. Палисадовъ посѣщалъ его въ казематѣ, сначала съ цѣлями увѣщанія и наставленія на путь истинный, а потомъ очень скоро полюбилъ этого чрезвычайно симпатичнаго и въ высшей степени даровитаго юношу и сталъ проводить съ нимъ цѣлыя вечера, очевидно, испытывая большое удовольствіе въ долгихъ бесѣдахъ, горячихъ спорахъ съ нимъ и прочитываніи бойкихъ, талантливыхъ статей его, которыя Писаревъ, съ разрѣшенія начальства, писалъ въ своемъ заключеніи и посылалъ въ журналъ «Русское Слово», издававшійся тогда графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко. Собесѣдники, естественно, сблизились между собою, и Писаревъ съ полною откровенностью излагалъ передъ Палисадовымъ свои сокровеннѣйшія убѣжденія и взгляды на различные нравственные и общественные вопросы, конечно, въ полной увѣренности, что онъ говорить съ близкимъ ему человѣкомъ. Между тѣмъ, въ ближайшее же воскресенье, краснорѣчивый проповѣдникъ разъяснялъ эти самыя взгляды и теоріи въ проповѣди передъ своими прихожанами и громилъ ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ, прямо указывая на книжки журнала, въ которыхъ эти взгляды и теоріи печатались. Когда Писаревъ, узнавъ объ этомъ, сталъ упрекать Палисадова въ его безтактности, послѣдній пренаивно оправдывался простымъ увлеченіемъ, и оба очень добродушно смѣялись...

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ былъ нашимъ товарищемъ не только по университету, но и по гимназіи, и пользовался между нами большою любовью и уваженіемъ, какъ личность чрезвычайно симпатичная и талантливая. Въ гимназіи его называли «дѣвочкой», вслѣдствіе его женоподобнаго вида и, въ особенности,—его мягкости, скромности и деликатности,—качествъ, по которымъ менѣе всего можно было предположить въ немъ бойкаго критика, рѣзкаго полемиста и ниспровергателя авторитетовъ. Онъ кончилъ гимназическій курсъ съ золотою медалью, когда ему еще не было шестнадцати лѣтъ, такъ что по университетскому уставу онъ не могъ быть принятъ въ число студентовъ; но его блестящій аттестатъ слишкомъ убѣдительно доказывалъ его научную правоспособность,—онъ былъ принятъ въ университетъ внѣ правилъ и черезъ два года какъ нельзя лучше оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, представивъ филологическому факультету свое сочиненіе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ, удостоенное золотою медали и напечатанное въ нашемъ студенческомъ сборникѣ. Дальнѣйшая, слишкомъ кратковременная, жизнь этого очень много общавшаго молодого человѣка юноши замѣчательна своими печальными

перипетіями. Еще будучи студентомъ, онъ подвергся тяжелой душевной болѣзни; едва оправившись отъ нея и только что окончивъ блистательно университетскій курсъ, онъ, въ 1862 г., вслѣдъ за закрытіемъ журнала «Русское Слово», былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и находился тамъ около 2-хъ лѣтъ, за участіе въ политической агитациі, и затѣмъ, вскорѣ по освобожденіи, утонулъ, купааясь въ Дуббельнѣ¹⁾.

Но возвратимся къ воспоминаніямъ о дальнѣйшей жизни и дѣятельности нашего кружка.

III.

Многіе изъ насъ, на второмъ курсѣ, кромѣ обычнаго даванія уроковъ, которые въ то время составляли почти исключительную монополию студентовъ, и за которые весьма охотно платили очень хорошее вознагражденіе (2—3 рубли за часъ), приглашались сотрудниками въ различные газеты и журналы. Ни одна редакція сколько-нибудь передовыхъ періодическихъ изданій, ни одинъ литературный кружокъ не обходились безъ участія студентовъ,—и мы постоянно жили, такъ сказать, въ курсѣ всякихъ литературныхъ, научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Но всего этого намъ казалось мало: мы чувствовали какую-то внутреннюю пустоту и нравственную неудовлетворенность; намъ хотѣлось какого-нибудь общаго, хорошаго дѣла, и мы скоро его нашли.

Въ это именно время толки о величайшей реформѣ минувшаго царствованія,—объ освобожденіи крестьянъ, стояли въ петербургскомъ обществѣ на первомъ планѣ. Постоянно и всюду обсуждались способы этого освобожденія, различныя препятствія его успѣшности, и, какъ одно изъ главныхъ,—полнѣйшее невѣжество и безграмотность нашего народа и настоятельнѣйшая необходимость хоть какой-нибудь подготовки его къ воспріятію грядущаго освобожденія. Не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи стали открываться воскресныя народныя школы, и, само собой разумѣется, первыми учителями такихъ школъ въ университетскихъ городахъ, а во время каникулъ и въ деревняхъ, явились студенты и учащіяся дѣвицы. Въ Петер-

¹⁾ Весьма интересная статья—матерьялъ къ біографіи Д. И. Писарева помѣщена въ „Русской Старинѣ“ 1880 года, томъ XXIX, стр. 1007—1014 „Варв. Дм. Писарева“. Біогр. очеркъ. Сообщ. Р. А. Гарднеръ.

бургѣ быстро организовалось очень много воскресныхъ школъ, въ которыхъ каждое воскресенье собиралось весьма значительное число простолюдиновъ, преимущественно взрослыхъ, и обучалось закону Божію, чтенію, письму и началамъ ариметики. И надо было видѣть, какъ всѣ интересовались этими школами, въ какой приходили восторгъ и умиленіе при видѣ бородатыхъ парней и взрослыхъ женщинъ, усердно зубрившихъ буквари, выводившихъ азбучныя каракули и соображавшихъ ариметическія задачи. Въ кружкахъ интеллигентной молодежи, въ газетахъ и журналахъ и даже въ элегантныхъ гостинныхъ говорилось объ этихъ ученикахъ и ученицахъ съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ о какой-нибудь модной оперной пѣвицѣ; всюду разсуждали о различныхъ методахъ преподаванія, объ учебникахъ и т. п.; сплошь и рядомъ можно было видѣть въ этихъ школахъ изящную великосвѣтскую барышню, сидящую на простой школьной скамейкѣ рядомъ съ очень уже неизящнымъ, закорузлымъ крестьяниномъ, со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ молодости посвящающую своего великовозрастнаго ученика въ таинства грамоты или счета. Но, съ другой стороны, скоро стало замѣтно, что преподаваніе въ воскресныхъ школахъ въ недѣлю разъ даетъ мало результатовъ, и если оно и удовлетворяло первымъ потребностямъ ученія, въ смыслѣ обученія грамотѣ, то, во всякомъ случаѣ, сверхъ этого, давало слишкомъ мало, и вотъ, явилась новая, еще болѣе серьезная, общественная помощь дѣлу народнаго образованія.

Въ тѣ именно осенніе дни 1860 года, когда нашъ кружокъ томился жаждою болѣе активной общественной дѣятельности, въ одно изъ нашихъ вечернихъ собраній является бывший однимъ изъ выдававшихся по своимъ способностямъ нашихъ товарищей, мичманъ Н. Н. Страннолюбскій, и разсказываетъ, что онъ только что отъ Таврическаго сада, гдѣ видѣлъ новое, прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе, а именно — ежедневную бесплатную школу для мальчиковъ бѣднѣйшаго населенія той мѣстности. Учредитель этой школы, молодой инженерный офицеръ, баронъ Мих. Осипов. Коссинскій (теперь уже покойникъ), собралъ около себя небольшой кружокъ своихъ товарищей, предложившихъ, конечно, бесплатно, свои личныя услуги по преподаванію, привлекъ нѣкоторыхъ изъ своихъ состоятельныхъ знакомыхъ къ доставленію денежныхъ средствъ, необходимыхъ на всѣ расходы — на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и на содержаніе училища, съ разрѣшенія надлежащихъ властей открылъ школу и вотъ — продолжалъ съ большимъ одушевленіемъ разсказчикъ, — теперь у нихъ дѣло идетъ блистательно: въ школѣ уже болѣе тридцати учениковъ, они снабжены учебниками, бібліотекой и различ-

ними самоновѣйшими пособіями, представляющими послѣднее слово науки элементарнаго обученія.

Всѣ мы чрезвычайно живо заинтересовались этой новинкой и рѣшили на другой-же день посѣтить Таврическую школу. Ознакомившись съ ея устройствомъ и порядками, мы тотчасъ же задумали организовать такую-же школу и у себя, на Васильевскомъ островѣ. Въ слѣдующій-же вторникъ, въ собраніи нашемъ, особенно многочисленномъ и оживленномъ, было приступлено къ обсужденію этого дѣла и къ изысканію денежныхъ средствъ для найма квартиры, омеблированія ея, снабженія учебными пособіями и проч. Прежде всего рѣшено было открыть немедленно подписку на одновременные взносы между собой и между своими знакомыми и, кромѣ того, всѣ учредители обязались ежемѣсячно вносить на содержаніе школы опредѣленную сумму, каждый по своимъ средствамъ. Всѣ мы точно ожили, съ искреннимъ жаромъ и увлеченіемъ ухватились за новое предпріятіе и каждый изъ насъ изо всѣхъ силъ старался содѣйствовать насколько скорѣйшему его осуществленію. Рѣшено было открыть школу тотчасъ послѣ рождественскихъ праздниковъ. Затрудненій въ полученіи разрѣшенія и въ обезпеченіи дальнѣйшаго существованія нашего дѣтища въ матеріальномъ отношеніи, конечно, было не мало. По счастью, между нами нашелся нѣкто П. — человекъ необыкновенно юркій, умѣвшій пролѣзть всюду и вездѣ найти и денежную помощь, и протекцію, и личное содѣйствіе. Этотъ неопѣненный для насъ человекъ выискалъ извѣстнаго въ то время богача, Вл. Ив. Струбинскаго, который вызвался покрывать своими средствами всѣ имѣющіе быть дефициты по школѣ, и, кромѣ того, все, чего у насъ не хватить по первоначальному ея устройству и обзаведенію, дополнить на собственный счетъ. Для содѣйствія передъ администраціей къ разрѣшенію открытія школы, а также и для руководительства насъ при работѣ методовъ и программъ преподаванія, тотъ-же П. обратился къ глубокоуважаемому нашему профессору, Константину Дмитріевичу Кавелину, который съ отличавшею его всегда отзывчивостью на все доброе и хорошее, съ полною готовностью сталъ удѣлять намъ цѣлыя вечера изъ своего дорогаго времени, терпѣливо выслушивалъ всѣ наши юношескія разглагольствованія, проекты нашихъ программъ, и всегда съ удивительною мягкостью и деликатностью умѣрялъ наши молодые порывы, поправлялъ ошибки и направлялъ уклонявшихся на настоящій путь. Этой въ высшей степени почтенной личности мы, вообще, многимъ обязаны какъ въ общемъ нашемъ развитіи, такъ и въ солидной сразу постановкѣ дорогаго намъ тогда школьнаго дѣла, такъ какъ, не ограничивая своего участія первоначальной выработкой школьныхъ

программъ и содѣйствіемъ къ разрѣшенію открытія самой школы, Константинъ Дмитріевичъ часто посѣщалъ наши уроки въ классахъ, много и съ любовью бесѣдовалъ съ нами объ этихъ урокахъ, присутствовалъ на нашихъ педагогическихъ совѣщаніяхъ и давалъ намъ драгоценныя указанія и разъясненія. Теперь, передъ могилой этого человѣка, горячо любимого и высокочтимого всѣми, хотя сколько нибудь его знавшими, особенно дорого останвится въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Какъ теперь слышу его живой, чрезвычайно пріятный и привѣтливый голосъ, точно стоитъ передо мной его небольшая нервно-подвижная фигура, съ выразительными, добрыми и быстро бѣгающими глазами, ласково и ободряюще смотрящими на собесѣдника! Припоминаю я нѣсколько такихъ эпизодовъ: однажды нѣкій юноша изъ нашего кружка сталъ доказывать, что въ Петрѣ I-мъ ровно ничего великаго не было, въ другой разъ тотъ-же юноша разглагольствовалъ, что наши народныя пѣсни ничего, кромѣ цинизма, въ себѣ не содержатъ,—и надо было видѣть, какъ мягко и съ какимъ изумительнымъ терпѣніемъ Константинъ Дмитріевичъ спорилъ съ этимъ чудакомъ и старался его образумить! Также онъ относился къ намъ и на нашихъ студентскихъ экзаменахъ, хотя требованія его отъ насъ научныхъ знаній всегда были серьезны и строги, но они были совершенно чужды сухаго, формально начальническаго отношенія къ экзаменуемому. Подойдетъ, бывало, студентъ къ экзаменаторскому столу, почтенный профессоръ ласково протянетъ ему руку, усадить около себя на кресло и начнетъ просто, по товарищески, бесѣдовать съ нимъ по тому или другому вопросу изъ гражданскаго права, и только окончательно убѣдившись въ степени дѣйствительныхъ знаній вопрошаемаго, отпустить его, поставивъ баллъ по строгой, но чрезвычайно справедливой и отнюдь не лицепріятной оцѣнкѣ. Въ теченіе всей его профессуры двери его квартиры всегда были открыты для каждаго изъ его слушателей; онъ очень любилъ, когда они его посѣщали, и всегда чрезвычайно охотно бесѣдовалъ съ ними, давалъ необходимые совѣты и указанія, снабжалъ книгами изъ собственной библіотеки, давалъ темы для научныхъ работъ, указывалъ источники и т. д. Кромѣ ученаго и публициста, Кавелинъ былъ и педагогъ по призванію, и его любовь къ воспитанію и просвѣщенію ярко и благотворно проявлялась въ немъ до послѣднихъ дней его жизни. Кромѣ Васильеостровской школы, онъ образцово воспиталъ своихъ собственныхъ дѣтей... Дочь его (нынѣ покойная), какъ извѣстно, уже въ самые юные годы рѣзко выдѣлялась своими знаніями и преподавательскими способностями. Наконецъ, не задолго до смерти, Константинъ Дмитріевичъ показывалъ своимъ знакомымъ цѣлыя кучи

ученическихъ тетрадокъ крестьянскихъ дѣтей, обучавшихся въ устроенной имъ въ своемъ имѣніи школѣ, и съ умильной искренностью и любовью радовался ихъ быстрымъ успѣхамъ.... Миръ праху твоему хорошій человѣкъ!

Нашъ кружокъ въ это время сталъ быстро разрастаться. Кромя студентовъ, въ числѣ учредителей школы явились дѣвицы, дамы мужчины болѣе или менѣе уже зрѣлыхъ лѣтъ и даже—одинъ пожилой гусарскій полковникъ, К.,—человѣкъ чрезвычайно добродушный, очень недалекій, но либераль до ребяческаго увлеченія и наивности, что всѣхъ насъ приводило въ немалое смущеніе и мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться, такъ какъ своимъ, просто глупымъ либеральничаньемъ онъ нерѣдко ставилъ насъ въ весьма неловкое положеніе.

Къ концу рождественскихъ каникулъ у насъ все уже было готово: разрѣшеніе получено, нанята квартира въ 16-й линіи Васильевскаго острова, у Малаго проспекта, состоявшая изъ трехъ комнатъ, прихожей и кухни, обставлена необходимой мебелью и даже небольшою библиотечкой, быстро наполнявшейся книгами и разными учебными пособіями, жертвовавшими учредителями и, въ особенности, посторонними лицами, сочувствовавшими благому предпріятію. Рѣшено было сначала открыть два класса,—для дѣтей, еще не начинавшихъ учиться, и для тѣхъ, которые уже кое-что знаютъ; но вскорѣ пришлось устроить и третій классъ, такъ какъ въ первое время явившіеся мальчики раздѣлились на двѣ группы: одни умѣли только читать и писать, а другіе уже успѣли приобрести дома и въ разныхъ училищахъ и нѣкоторыя другія элементарныя познанія, а потомъ стали прибывать дѣти и безъ всякой подготовки. Занявъ открытые нами классы первыми двумя группами, изъ послѣдней мы образовали пригготовительный классъ и поручили его нѣсколькимъ дѣвицамъ, нашимъ родственницамъ и знакомымъ. Предметы преподаванія въ Василеостровской школѣ были слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ со славянскимъ чтеніемъ, ариметика, естествознаніе, предметные уроки, краткія свѣдѣнія изъ географіи и русской исторіи, скорпись, по американской методѣ, рисованіе и черченіе, элементарныя понятія изъ геометріи и объяснительное чтеніе. Впослѣдствіи для желающихъ было введено преподаваніе французскаго языка. Кромя распредѣленія между нами преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ, каждый изъ учредителей долженъ былъ, поочереды, дежурить въ школѣ, для надзора за общимъ порядкомъ, за поведеніемъ учащихся во время рекреаций, до начала уроковъ и по окончаніи ихъ, для приѣма посѣтителей, замѣны преподавательскихъ манкировокъ и т. п. Тому-же П. было на первое время предоставлено завѣдываніе хозяйственною

частью, представительство передъ начальствомъ и заботы о дальнѣйшемъ обеспеченіи матеріальнаго благосостоянія школы. Затѣмъ, для дальнѣйшей выработки нашихъ учебныхъ программъ, сообразно указаніямъ практики, обсужденія и выбора методовъ преподаванія, необходимыхъ учебныхъ пособій и педагогическихъ приемовъ вообще, установлены еженедѣльные собранія всѣхъ учредителей и преподавателей школы. Предсѣдательство на этихъ собраніяхъ, обыкновенно, предоставлялось наиболѣе авторитетному изъ присутствовавшихъ. Собранія эти происходили обыкновенно по субботамъ, съ восьми часовъ вечера, и нерѣдко затягивались далеко за полночь. Каждый преподаватель сначала вкратцѣ сообщалъ, что имъ сдѣлано въ теченіе минувшей недѣли и какія онъ имѣетъ замѣчанія, какъ по своему предмету, такъ и по школѣ вообще, и затѣмъ ставились различные вопросы и начинались пренія. Была заведена особая книга, въ которую въ теченіе недѣли записывалось каждымъ желающимъ все то, что онъ находилъ нужнымъ подвергнуть обсужденію на общемъ собраніи. Обыкновенно предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ нѣкто М., бывший постарше насъ и уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ кончившій курсъ въ университетѣ, человѣкъ весьма умный, всегда спокойный и сдержанный, много способствовавшій успѣху дѣла своимъ хотя нѣсколько сухимъ и формальнымъ, но всегда серьезнымъ отношеніемъ къ нему. Отношенія наши съ учениками сразу установились самыя простыя, дружескія, чуждыя какого-бы-то ни было формализма. Дѣти весело здоровались съ нами за руку, совершенно непринужденно болтали съ нами, почти какъ съ товарищами, и посѣщали школу чрезвычайно охотно. Ни поощреній и наградъ, ни наказаній у насъ не допускалось, и на лѣнивыхъ и непослушныхъ мы старались дѣйствовать теплымъ, ласковымъ словомъ убѣжденія. Только въ болѣе важныхъ случаяхъ мы переставали разговаривать съ провинившимися, и, какъ крайнюю мѣру, употребляли запрещеніе на нѣкоторое время посѣщенія школы, что въ большинствѣ случаевъ дѣйствовало сильнѣе всякаго наказанія.

Само собою разумѣется, въ первое время наша педагогическая дѣятельность не могла быть правильною. По неопытности нашей и новизнѣ дѣла, мы путались и не выдерживали принятыхъ системъ преподаванія, на совѣщаніяхъ тоже нерѣдко металась изъ стороны въ сторону и не знали, на чемъ остановиться, спорили, горячились, кричали, и иногда безъ толку. Но вотъ, въ одну изъ субботъ, въ дверь нашей прихожей просовывается какая-то неизвѣстная фигура мужчины лѣтъ подъ сорокъ, во фризовой шинели, и чрезвычайно скромно проситъ позволенія войти и послушать наши совѣщанія.

Сначала мы недоумѣваемъ и опасаемся, но скоро разрѣшаемъ незнакомцу войти. Является господинъ съ чрезвычайно подвижнымъ, нервнымъ лицомъ и живыми, выразительными и вдумчивыми глазами, которыми, казалось, онъ пронизывалъ насъ сквозь каждаго съ кѣмъ говорилъ. Онъ на цыпочкахъ прошелъ въ уголъ комнаты и тамъ усѣлся на краю школьной скамейки. Во весь вечеръ онъ не принималъ никакого активнаго участія въ нашихъ разсужденіяхъ, но слѣдилъ за нами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, точно впиваясь въ говорившаго и пожирая его своими удивительными глазами. Всѣ мы чувствовали себя очень неловко и старались быть какъ можно сдержаннѣе. Подъ конецъ вечера мы познакомились съ этимъ господиномъ и разговорились. Это былъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Резенеръ, столь извѣстный впоследствии среди петербургскихъ педагоговъ. Онъ объяснилъ намъ, что живетъ по сосѣдству, весьма интересуется учебнымъ дѣломъ и, имѣя много свободнаго времени, очень-бы желалъ принять дѣятельное участіе въ нашей школѣ. Нѣкоторымъ изъ насъ все это показалось страннымъ, а инымъ—и просто неприятнымъ, что какая-то совершенно никому неизвѣстная личность такъ смѣло вмѣшивается въ наше собственное, нами созданное дѣло, и мы не вдругъ принимаемъ незнакомца въ наши сочлены, а предлагаемъ ему сначала посѣщать наши педагогическія собранія, чтобы ознакомиться съ характеромъ нашей школы, съ нашими требованіями и проч. Резенеръ до чрезвычайности вѣжливо и деликатно съ нами соглашается, горячо благодаритъ насъ за любезное разрѣшеніе и прощается съ нами, какъ человекъ, только-что получившій великія и богатныя милости, и мы, вполне довольные и своею осторожностью, и своимъ великодушіемъ, расходимся по домамъ. Въ слѣдующую субботу Резенеръ явился къ самому началу нашего собранія, снова скромно занялъ мѣсто въ углу комнаты и, попрежнему, не вмѣшивался въ наши разсужденія, пока не спросили его мнѣнія по какому-то вопросу. Тогда, опустивъ голову и пощипывая свою бородку, онъ началъ говорить тихо, какъ будто робко и сконфуженно, но чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе и болѣе стали обнаруживаться и его природный глубокой умъ, и обширныя свѣдѣнія. Къ концу вечера уже ни одинъ вопросъ не рѣшался безъ его участія, и, совершенно незамѣтно для насъ, мы стали принимать и утверждать именно его мнѣнія. При прощаньи мы уже крѣпко пожимали его руку, просили посѣщать наши уроки, и затѣмъ, въ будущую субботу, взять на себя какія-либо занятія въ школѣ. Со слѣдующаго-же собранія Резенеръ сталъ не только высказываться, но въ своихъ, по прежнему скромныхъ, мягкихъ, въ высшей степени деликатныхъ рѣчахъ просго

поучать насъ, совершенно юныхъ и нисколько неподготовленныхъ. Онъ излагалъ передъ нами, какъ ведется школьное дѣло въ Германіи, Франціи, Англии, знакомилъ съ теоріями извѣстнѣйшихъ европейскихъ педагоговъ, объяснялъ основныя начала дидактики, методики, педагоги и т. п., указывалъ массу наиболѣе цѣлесообразныхъ пособій, книгъ для дѣтскаго чтенія и т. д., и т. д., обнаруживая при этомъ свои огромныя познанія и свой выходящій изъ ряду умъ, не довольствующійся простымъ знаніемъ предмета, но углубляющійся въ самую суть его, изучающій его со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей. Горячая преданность этого человѣка своему дѣлу и его убѣжденность въ своихъ взглядахъ были настолько сильны, что всѣ мы очень скоро и совершенно подпали подъ его вліяніе. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со дня водворенія Резенера въ школъ, какъ онъ былъ уже главнымъ ея руководителемъ, ея душою, а для насъ—не только высокимъ авторитетомъ въ нашей школьной дѣятельности, но въ значительной мѣрѣ и нашимъ воспитателемъ въ нравственномъ отношеніи. Проманкировать урокъ или дать его кое-какъ, не явиться въ собраніе, — намъ дѣлалось уже неловко, между прочимъ, и потому, что мы знали очень хорошо, что за этимъ непременно послѣдуетъ объясненіе съ Федоромъ Федоровичемъ, объясненіе чрезвычайно мягкое, дружеское и сердечное, на которое невозможно было обидѣться или разсердиться, но отъ котораго всегда было жутко провинившемуся. Да и не только въ сферѣ нашихъ примыхъ обязанностей по школѣ, но мало-по-малу, незамѣтно и для насъ самихъ, мы проникались нравственнымъ авторитетомъ этого поистинѣ замѣчательнаго человѣка настолько, что невольно чувствовали его ежеминутно, во всѣхъ, даже совершенно личныхъ, интимныхъ проявленіяхъ нашей жизни. Напримѣръ, щегольство и чрезмѣрная изысканность въ одеждѣ стали коробить насъ, при видѣ всегда чрезвычайно скромно, бѣдно, но всегда опрятно одѣтаго Федора Федоровича; намъ уже неловко было бросать деньги на вѣтеръ, когда постоянно передъ глазами былъ глубоко уважаемый нами человѣкъ, зарабатывавшій весьма тяжелыми журнальными работами довольно много, но тратившій на себя самую ничтожную часть своего заработка, буквально необходимую лишь на тѣ потребности, безъ которыхъ обойтись невозможно. Конечно, мы все-таки покучивали, бражничали по ночамъ; но, сначала шутя, говорили другъ другу: «а что скажетъ Федоръ Федоровичъ?», а скоро намъ и въ самомъ дѣлѣ стало неловко, когда послѣ безобразно проведенной ночи намъ приходилось выдерживать его пристальный, въ упоръ, пронизывавшій насквозь взглядъ. Въ его симпатичномъ голосѣ слышалось тогда и ѣдкая, уничтожающая иронія

и, вмѣстѣ, столько искренности и сердечности, что никому и въ голову не приходило обидѣться, или огрызнуться, что это не ваше, моль, дѣло. Напротивъ, всякій невольно признавалъ за нимъ какое-то право журить и пристыживать виновнаго, и случалось, просто, какъ провинившійся школьникъ, говорилъ: «виноватъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и самъ вижу, что скверно!» Надо сказать при этомъ, что самъ Резенеръ ни вина, ни пива въ ротъ не бралъ, ни въ гости, ни на какія-нибудь увеселенія не ходилъ никогда, и вообще не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ развлеченій или удовольствій, которыми пользуются обыкновенные смертные. Но онъ былъ далеко не мрачнымъ, сухимъ человѣкомъ, ушедшимъ только въ себя и въ свои книги. Напротивъ, это была въ высшей степени нервная, воспримчивая и впечатлительная натура, обладавшая чрезвычайно живымъ, огненнымъ темпераментомъ и, въ то-же время—колоссальною силою воли, постоянно и неослабно сдерживавшею всѣ клокотавшіе въ немъ бурные порывы, лишь изрѣдка прорывавшіеся наружу въ горячемъ спорѣ, когда его задѣвали за живое, или когда его что-нибудь особенно возмущало. Только въ подобныя минуты видно было, что это за человѣкъ; въ обыкновенное-же время онъ былъ всегда чрезвычайно ровенъ, мягокъ, утонченно деликатенъ и порой, особенно въ обществѣ, даже робокъ и застѣнчивъ. То огромное значеніе, какое Резенеръ имѣлъ не только для Василеостровской школы, но и для всѣхъ бывшихъ ея преподавателей, во всей ихъ послѣдующей дѣятельности, особенно ярко видно изъ того, какъ онъ работалъ самъ и какъ заставлялъ работать своихъ юныхъ сотрудниковъ. Я останавливаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ особенно долго на этой личности потому, во 1-хъ, что Василеостровская школа съ Резенеромъ во главѣ и составляетъ главный предметъ этихъ воспоминаній, и во 2-хъ, какъ я уже сказалъ, вліяніе Резенера чрезвычайно сильно и благотворно отразилось на дальнѣйшей, болѣе широкой педагогической дѣятельности всѣхъ, кто подготовлялся къ ней подъ его руководствомъ, и даже болѣе: многіе молодые люди, начавшіе заниматься въ школѣ только на время своихъ юношескихъ досуговъ и вовсе не мечтавшіе о педагогической карьерѣ, проработавъ съ Резенеромъ два-три года, настолько искренно и горячо полюбили это дѣло, что всецѣло отдались ему на всю жизнь и теперь продолжаютъ разрабатывать эту плодотворную ниву съ любовью, съ честью и съ великою пользою. Большинство изъ насъ и до открытія Василеостровской школы занимались частными уроками; но на это смотрѣлось лишь какъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ къ жизни, и мы преподавали своимъ ученикамъ почти по той-же рутинѣ, по которой обучались сами въ началѣ 1850-хъ годовъ

въ первыхъ классахъ гимназій. Начавъ свою педагогическую дѣятельность въ Василеостровской школѣ, мы еще ничего не слышали о только что начинавшихъ тогда проникать къ намъ изъ Европы усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, благодаря трудамъ нашего пионера по этимъ вопросамъ, Іосифа Ивановича Паульсона, и печатавшимся въ «Морскомъ Сборникѣ» статьямъ Николая Ивановича Пирогова, только что назначеннаго тогда попечителемъ одесскаго учебнаго округа. О такихъ педагогическихъ дѣятеляхъ, какъ К. Д. Ушинскій и, впоследствии, баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ то время не было еще слышно. Резенеръ со всею энергіей и горячностью своей природы сталъ посвящать насъ во всѣ тонкости самоновѣйшей европейской педагогики и дидактики. Наши субботнія совѣщанія, въ первое время ограничивавшіяся болѣе внѣшними, формальными сторонами дѣла, быстро измѣнили прежній характеръ. По каждому, даже мелочному, какъ намъ казалось, вопросу Федоръ Федоровичъ, настаивавшій на томъ, что въ воспитаніи и обученіи ребенка нѣтъ мелочей, что все въ этой сферѣ имѣетъ значеніе и важность, завязывалъ самыя оживленныя, горячія пренія, въ которыхъ онъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свой тонкій, глубоко и всесторонне наблюдающій и анализирующій умъ и свои богатые и чрезвычайно разнообразныя знанія. Приносились всевозможныя сочиненія европейскихъ педагоговъ, психологовъ и философовъ и изъ нихъ цитировались и обсуждались мѣста, относившіяся къ спорному вопросу. Совѣщанія, вмѣсто прежнихъ 12-ти часовъ ночи, стали затягиваться до 3-хъ—4-хъ часовъ утра и при этомъ иногда происходили сцены, не лишеныя комизма: иные юноши, сильно утомившись, пытались незамѣтно ускользнуть изъ собранія.—Федоръ Федоровичъ бѣжалъ за ними въ переднюю и даже на лѣстницу, и съ добродушно веселыми шуточками подъ руки возвращалъ бѣглеца на его мѣсто. Нашъ уважаемый руководитель съ любовью и увлеченіемъ излагалъ намъ педагогическія теоріи Ж. Ж. Руссо, Песталотци, Дистервега, Груббе и другихъ, и мы терпѣливо и внимательно выслушивали его по нѣскольку часовъ сряду. Прежде всего всѣ эти бесѣды и поученія благотворно отразились на нашемъ обращеніи съ учениками и на отношеніяхъ нашихъ къ своимъ обязанностямъ. Мы скоро сдѣлались просто старшими товарищами нашихъ мальчиковъ и ихъ друзьями, которыхъ и они, въ свою очередь, полюбили. Нечего и говорить, что къ Федору Федоровичу они привязались особенно горячо. Единственными наказаніями у насъ были, какъ я уже говорилъ, прекращеніе разговоровъ съ провинившимся и, въ крайности, временное недопущеніе къ участію въ играхъ

съ товарищами, и надо было видѣть, какъ сильно дѣйствовали эти наказанія, въ особенности, когда сердился и переставалъ разговаривать Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ! Припоминаю при этомъ одинъ особенно характерный случай, происшедшій въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ существованія школы. Стали какъ-то пропадать различныя мелкія вещи, и всѣ розыски какъ виновнаго, такъ и этихъ вещей были безуспѣшны. Наконецъ, у одного изъ мальчиковъ пропало портмонэ съ деньгами. Узнавъ объ этомъ, сначала Резенеръ просто предлагалъ взявшему чужую вещь возвратить ее по принадлежности; но это не привело ни къ чему и почтенный педагогъ, глубоко опечаленный, ходилъ мрачнѣе тучи, съ мальчиками сталъ сухъ и молчаливъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней: отношенія между нимъ и дѣтьми сдѣлались неестественными, натянутыми и крайне тяжелыми. Однажды утромъ портмонэ со всѣми находившимися въ немъ деньгами оказалось въ передней подъ шваброй, очевидно, подброшенное. Дѣти въ восторгъ побѣжали къ Ѳеодору Ѳеодоровичу съ извѣстіемъ, что портмонэ нашлось. На ихъ лицахъ ясно отражалась радость, что слишкомъ тяжелые для нихъ дни, наконецъ, миновали... Но Резенеръ оставался серьезенъ и сумраченъ по прежнему.—«Ну, хорошо, дѣтешки, а кто же изъ васъ все это сдѣлалъ?»—Дѣтскія лица снова вытянулись и минутная радость смѣнилась недоумѣніемъ и смущеніемъ.—«Вотъ, видите-ли, продолжалъ онъ,—дѣло вѣдь не въ портмонэ съ нѣсколькими копейками, а въ томъ, кто именно его взялъ и потомъ подбросилъ; но что особенно худо, такъ это то, что провинившійся не хочетъ самъ сознаться. Ступайте, я не могу разговаривать съ людьми, среди которыхъ завелся такой нехорошій человѣкъ!»—Какъ ни упрашивали его дѣти забыть всю эту исторію, не сердиться на нихъ и быть съ ними по старому, Ѳед. Ѳед. оставался непреклоннымъ. Прошло еще нѣсколько томительныхъ дней, мальчики перестали рѣзвиться, всѣ говорили и двигались какъ-то робко и тихо, точно въ квартирѣ лежалъ покойникъ. Даже съ нами Ѳед. Ѳед. былъ желченъ, раздражителенъ и неразговорчивъ. Онъ видимо страдалъ и обдумывалъ нѣчто весьма серьезное, скоро обнаружившееся слѣдующимъ образомъ: въ одинъ изъ вечеровъ, передъ началомъ классныхъ занятій, Резенеръ, усадивъ по мѣстамъ учениковъ того класса, въ которомъ случилась пропажа, вошелъ къ нимъ, тщательно заперъ за собою дверь и, усѣвшись передъ дѣтьми, обратился къ нимъ съ рѣчью, содержаніе которой заключалось въ томъ, что вотъ уже почти два года, какъ онъ прожилъ съ ними, что называется, душа въ душу, свыкся съ ними, полюбилъ ихъ, какъ настоящихъ своихъ маленькихъ друзей; кажется, и они его полюбили; но случилось несчастіе, послѣ

котораго онъ уже не можетъ долѣе оставаться съ ними: Одинъ изъ нихъ своимъ нехорошимъ поступкомъ, главное — своимъ упорнымъ заpiresательствомъ, позорить весь классъ и лишаетъ его того уваженія, безъ котораго невозможна дружба между нимъ, Резенеромъ, и ими. Ему теперь стыдно и больно смотрѣть на нихъ, не только говорить съ ними, — и онъ долженъ немедленно оставить ихъ и удалиться совсѣмъ изъ школы. «Итакъ, — заключилъ свою рѣчь Федоръ Федоровичъ непритворно взволнованнымъ голосомъ, — я теперь пришелъ къ вамъ, дѣтjушки, только для того, чтобы проститься съ вами. Прощайте, не поминайте меня лихою, если я когонибудь изъ васъ неволью чѣмъ-нибудь обидѣлъ!» Дѣти вытаращили глаза и нѣсколько минутъ не произносили ни одного звука, видимо ошеломленные такою неожиданностью, и вдругъ, точно сговорившись, заревѣли въ одинъ голосъ. Затѣмъ, когда Резенеръ всталъ со своего мѣста, они окружили его и стали съ громкимъ плачемъ упрашивать его не уходить отъ нихъ, обѣщая такъ или иначе разыскать виновнаго. Почтенный педагогъ былъ тронутъ такимъ искреннимъ и единодушнымъ проявленіемъ любви къ нему, но согласился остаться лишь при томъ условіи, если виновный самъ добровольно явится къ нему и покается въ своемъ проступкѣ; а для того, чтобы ему не помѣшало въ этомъ чувство стыда передъ товарищами, онъ предложилъ, чтобы весь классъ по одиночѣ пришелъ къ нему въ комнату, и онъ съ каждымъ поговорить отдѣльно. Послѣ того, какъ всѣ ученики поочередно перебывали у него, Федоръ Федоровичъ снова явился въ классъ и объявилъ, что теперь все устроилось: виновный чистосердечно во всемъ признался и далъ честное слово, что ничего подобнаго впредь никогда не будетъ; а на разпросы дѣтей, кто именно былъ виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдъ, объяснилъ имъ, что не только не скажетъ, но просить ихъ и не разговаривать болѣе объ этомъ грустномъ происшествіи и не вспоминать его никогда, какъ будто его никогда и не было, и взялъ съ мальчиковъ торжественное обѣщаніе, что они не будутъ спрашивать и стараться узнать того изъ ихъ товарищей, съ которымъ случилась эта непріятная исторія. Всѣ повеселѣли, оживились, все пошло попрежнему и никакихъ пропажъ въ школѣ послѣ того не было и въ поминѣ.

Кромѣ занятій въ классахъ, гдѣ О. О. Резенеръ взялъ на себя наибольшее число уроковъ, и еженедѣльныхъ, а иногда по два раза въ недѣлю педагогическихъ совѣщаній, онъ безпрестанно присутствовалъ и на нашихъ урокахъ, потомъ обсуждалъ ихъ съ нами, часто приглашая то одного, то другаго изъ насъ къ себѣ, и тамъ, въ его крошечной комнаткѣ, мы проводили цѣлые вечера, далеко за полночь,

въ горячихъ дебатахъ, справкахъ и чтеніи различныхъ педагогическихъ и дидактическихъ статей, и каждый разъ возвращались домой, обогащенные такимъ множествомъ разъясненій и положительныхъ свѣдѣній, до которыхъ сами по себѣ мы не дошли-бы и въ цѣлый годъ. Утра и дни (классы въ школѣ были вечерніе) Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ посвящалъ частнымъ занятіямъ съ болѣе слабыми и неуспѣвающимъ учениками, розыскамъ и приглашенію къ участію въ школѣ разныхъ полезныхъ для нея лицъ, просмотру книгъ для школьной бібліотеки и всевозможныхъ учебныхъ руководствъ, и, сверхъ всего этого, постоянно помѣщалъ свои статьи въ издававшемся тогда І. И. Паульсономъ журналѣ «Учитель», переводилъ разныя отдѣльныя статьи и цѣлыя книги съ языковъ: нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и голландскаго, посѣщалъ жилища учениковъ, объяснялся съ ихъ родителями, убѣждалъ ихъ не противодѣйствовать и не мѣшать школѣ въ ея воспитательныхъ и учебныхъ цѣляхъ и въ ея способахъ къ достиженію этихъ цѣлей. Спалъ этотъ неутомимый труженикъ чрезвычайно мало, на ѣду и питье почти вовсе не тратилъ времени, дѣлая то и другое на ходу и не прерывая работы. Весь день сплошь онъ постоянно былъ занятъ и никто никогда не видѣлъ его безъ дѣла, просто отдыхающимъ. По улицамъ онъ ходилъ очень быстро, какъ-бы боясь потерять каждую минуту, каждую секунду даромъ, и постоянно погруженный въ размышленія о томъ или другомъ педагогическомъ вопросѣ, или о горячо любимыхъ имъ «дѣтюшкахъ».

Его кипучая натура и въ высшей степени пытливый, многосторонній и непрерывно работавшій умъ, всегда стремившійся проникнуть каждый вопросъ до самыхъ его корней, не удовлетворялись обыкновенною, специальною дѣятельностью педагога-практика, и Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ былъ въ постоянномъ исканіи способовъ къ наисовершеннѣйшему осуществленію высоко поставленныхъ имъ задачъ воспитанія и обученія, и нерѣдко доходилъ до увлеченія въ своихъ идеалистическихъ стремленіяхъ. Такъ, напримѣръ, одно время онъ сталъ доказывать своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, что для болѣе успѣшной дѣятельности въ школѣ необходимо поближе ознакомиться съ той средой, къ которой принадлежитъ большинство учениковъ этой школы, и съ этою цѣлью предлагалъ намъ ходить по простонароднымъ трактирамъ и харчевнямъ, смѣшиваться тамъ съ толпою, присматриваться къ ней и такимъ образомъ изучать народъ. Мы одѣвались какъ можно хуже, просиживали вмѣстѣ съ Резенеромъ цѣлыя вечера въ различныхъ простонародныхъ трактирахъ и харчевняхъ за «парой чая», приглядываясь и прислушиваясь къ пировавшему тамъ люду. Впрочемъ, такія «хожденія въ народъ» мы скоро прекратили, убѣ-

двигались въ совершенной ихъ бесполезности съ одной стороны и не безопасности съ другой, такъ какъ обычные посѣтители этихъ заведеній могли заподозрить насъ въ соглядатайствѣ и просто побить, а полиція—усмотрѣть въ нашемъ поведеніи что-либо злокозненное—и надѣлать намъ не мало хлопотъ.

Изъ числа многихъ лицъ, привлеченныхъ *Θ. Θ. Резенеромъ* къ участию въ школѣ, особенно выдѣлялся *Феликсъ Густавовичъ Толль*. Молодой и даровитый учитель исторіи въ 1840-хъ годахъ, онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ *М. В. Петрашевскаго* и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и прожилъ, сначала въ каторжныхъ работахъ, а потомъ—на поселеніи, до амнистии, послѣдовавшей съ воцареніемъ императора *Александра II-го*. Въ Петербургъ онъ возвратился съ надорваннымъ здоровьемъ, съ обезображенной изнурительною жизнью фигурой, но съ прежнимъ свѣтлымъ, разносторонне образованнымъ умомъ, чистой душой и горячимъ любящимъ сердцемъ идеалиста 1840-хъ годовъ. Преподавать ему было безусловно запрещено гдѣ-бы-то ни было, и онъ весь отдался литературѣ, сначала художественной, а потомъ—педагогической, и въ этой послѣдней скоро сталъ въ ряду наиболѣе выдававшихся ея дѣятелей. Его статьи въ журналѣ «Учитель», въ которыхъ онъ знакомилъ русское общество съ новѣйшими теоріями иностранныхъ педагоговъ, принесли огромную пользу русскимъ воспитателямъ, родителямъ и преподавателямъ; а составленный имъ «Обзоръ дѣтской литературы» весьма много способствовалъ цѣлесообразному выбору книгъ для дѣтскаго чтенія и при устройствѣ ученическихъ библіотекъ. Послѣднимъ, обширнымъ и весьма полезнымъ, трудомъ его былъ «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній», окончившійся печатаніемъ въ 1866 году.

Кромѣ постояннаго участія такихъ руководителей-консультантовъ, какъ *Кавелинъ* и *Толль*, на наши педагогическія совѣщанія безпрестанно приглашались различные специалисты по вопросамъ воспитанія, гигиены и преподаванія, какъ, напр., *І. И. Паульсонъ*, баронъ *Михаилъ Осиповичъ Коссинскій*, учредитель *Таврической школы*, докторъ *Боковъ*, принявшій на себя безвозмездно обязанности врача при школѣ, и мн. др. Тамъ, въ убогомъ домикѣ одного изъ отдаленнѣйшихъ закоулковъ *Васильевскаго острова*, собирался, можно сказать, весь цвѣтъ педагогическихъ силъ Петербурга. Тамъ положено начало обновленію нашего учебно-воспитательнаго дѣла, были выработаны новые методы преподаванія учебныхъ предметовъ, какъ, напр., вмѣсто старинной каллиграфіи, введено обученіе скорописи по американской системѣ, вмѣсто прежняго преподаванія грамматики, весьма тщательно разработаны упражненія въ объяснительномъ чтеніи, впервые

примѣнены предметные уроки и наглядное обученіе по методамъ Песталоцци и Дистервега; введено преподаваніе ариметики по системѣ Груббе. Въ два — три года репутація Василеостровской школы установилась настолькоъ, что многіе, не только начинающіе, но и болѣе опытные, интересовавшіеся дѣломъ, преподаватели стали посѣщать школу для ознакомленія, какъ идетъ въ ней преподаваніе того или другого предмета и потолковать по тому или другому вопросу. На частныхъ урокахъ каждому изъ насъ, хотя-бы самому юному студенту, достаточно было объявить, что онъ участвуетъ въ Василеостровской школѣ, чтобы быть принятымъ съ неограниченнымъ довѣріемъ и щедрымъ вознагражденіемъ. И дѣйствительно, въ этой школѣ зародилась и впослѣдствіи уже окончательно упрочилась репутація такихъ почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ педагоговъ, какъ А. Н. Страннолюбскій, А. Н. и В. П. Острогорскіе, А. Я. Гердъ, П. П. фанъ-деръ-Флигъ, М. А. Богданова, по мужу Быкова, Стрекалова и др. Матеріальныя средства школы, въ началѣ слабыя и шаткія, стоявшія въ зависимости отъ болѣе или менѣе аккуратности членовъ-жертвователей (поддерживавшій ее въ началѣ капиталистъ Струбинскій впослѣдствіи къ ней охладѣлъ), вскорѣ упрочились ассигнованіемъ отъ Городской Думы ежегодной субсидіи, въ размѣрѣ, кажется, тысячи рублей. Это дало возможность, кромѣ обогащенія школы учебными пособіями, снабжать бѣднѣйшихъ изъ учениковъ обувью, одеждой и книгами и даже содержать 3 — 4 изъ нихъ на полномъ пансіонѣ. Добиться какихъ нибудь правъ для нашихъ учениковъ мы не успѣли; но стараніями Резенера и другихъ способнѣйшіе изъ нихъ были опредѣлены въ реальное училище, въ академію художествъ, нѣкоторые въ типографіи и т. п. заведенія. Впрочемъ, какъ это ни больно, но необходимо сознаться, что результаты нашей дѣятельности оказались далеко несоотвѣтствующими нашимъ стараніямъ, что, кромѣ многихъ другихъ причинъ, можетъ быть, отчасти произошло именно отъ того, что мы ужъ слишкомъ много старались. Я хочу этимъ сказать, что Резенеръ, а подъ его вліяніемъ и остальные, увлекаясь разработкою теоретическихъ вопросовъ и стремленіями къ совершеннѣйшимъ формамъ воспитанія и обученія, можетъ быть, упускали изъ виду практическую сторону, ту среду, въ которой приходилось дѣйствовать, дѣйствительныя потребности этой среды и того времени и т. д. Какъ-бы-то ни было, изъ Василеостровской школы вышло нѣсколько выдающихся личностей, вродѣ извѣстнаго, недавно умершаго, художника Шпака, весьма полезнаго дѣятеля по инженерной части — Оглоблина и др. Очень многіе разбрелись въ разныя стороны и, можно съ увѣренностью сказать, своею

жизнью и дѣятельностью способствуютъ и теперь распространенію въ массѣ здравыхъ понятій и честныхъ правилъ, вынесенныхъ ими изъ нашего скромнаго питомника. Какъ о дурныхъ и порочныхъ, до насъ доходили въ послѣдствіи слухи о двухъ-трехъ личностяхъ, не болѣе; но вѣдь въ семьѣ не безъ уroda! Главное-же значеніе Василеостровской школы, повторяю, заключается въ окончательномъ упраздненіи прежней, дореформенной системы первоначальнаго обученія и выработкѣ новой, дѣйствующей въ настоящее время, и въ томъ, что она послужила разсадникомъ лучшихъ педагогическихъ дѣятелей нашего времени.

Съ выходомъ нашимъ изъ университета, многіе изъ насъ, устремившись каждый по своему пути, отстали отъ школы, и хотя Θ Θ . Резенеръ и другіе, наиболѣе преданные ей дѣятели употребляли всевозможныя усилія къ дальнѣйшему ея поддержанію, но скоро наступили тяжелые дни: извѣстная студенческая исторія 1861 года, прокламаціи и послѣдовавшіе за ними аресты, а потомъ пожары въ 1862 г.,—все это быстро привело къ извѣстнымъ мѣрамъ. Мало по мало стали закрываться всякія общественныя предпріятія, которыя могли возбуждать хотя тѣнь подозрѣнія. Сначала прекратили городскую субсидію школъ, а затѣмъ закрыли школу окончательно..

Вл. Сорокинъ.